

О новой Стратегии пространственного развития России, или уроки пройденного¹

А.К. Тулохонов, С.Н. Иванова

УДК 625.1/ 338.262.7

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-56-67

Аннотация. В статье критически оценивается содержание «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». На конкретных примерах отмечаются некорректность ряда данных, декларативность поставленных задач при отсутствии механизмов их выполнения и научного обоснования проекта Стратегии. Приводятся факты недостаточной проработанности разделов, характеризующих основные тенденции и возможности пространственного развития Российской Федерации и его приоритеты, изменение межрегиональных диспропорций, усиление влияния научно-технического прогресса на пространственное развитие РФ. Делается вывод о необходимости корректировки документа с привлечением академической науки и создании в Академии наук специализированной научной структуры по исследованию и сопровождению Стратегии пространственного развития России.

Ключевые слова: Стратегия пространственного развития; социально-экономическая политика; нормативно-законодательная база

Введение

Цель данной статьи – обсудить ряд приоритетных, на наш взгляд, вопросов, связанных с обновлением «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»² (далее – Стратегия...2024), предложить новые подходы к ее содержательному наполнению.

Актуальные проблемы теории и практики стратегического пространственного развития и управления широко освещены в работах отечественных ученых (см. [Аганбегян, 2017; Гришина и др., 2018; Кузнецов и др., 2024; Кузнецова, 2019; Минакир, 2016, 2021] и др.).

Зарубежный опыт пространственного планирования представлен в работах М. Раймера, Р. Блотфогеля [Reimer, Blotvogel, 2012], В. Лингея [Lingua, 2018].

В Евросоюзе Стратегия пространственного развития как таковая не разрабатывается, объединённый научный центр Еврокомиссии и Европейская сеть

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Байкальского института природопользования СО РАН (Проект АААА-А21-121011590039-6 (мнемо-код 0273-2021-0003)).

² Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 4146—р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 29.12.2024).

наблюдения за территориальным развитием и сплочением (ESPON) занимаются прогнозами и исследованием проблем и перспектив территориального развития. В рамках ESPON ведется оценка социально-экономического развития и лучших практик пространственной политики в части формирования системы расселения, обеспечения территориальной доступности и сплоченности, решения демографических и экологических проблем стран ЕС. Сеть лабораторий ESPON сосредоточена на научном обосновании и актуализации данных для Европейской перспективы пространственного развития (ESDP). Идея территориальной сплоченности закреплена в документе «Территориальная повестка дня Европейского союза до 2020 года»³.

Возвращаясь к Стратегии пространственного развития России, отметим работы отечественных учёных, в которых обсуждалась прежняя версия документа (далее – Стратегия...2019)⁴.

П.А. Минакир сопоставил ее замысел и принципы с объективными возможностями пространственного развития страны [Вызовы и политика..., 2020. С. 346–361] и пришел к выводу о том, пространственная политика должна быть избирательной, поскольку само пространство экономических решений является неоднородным, ее выработка, направленная на синхронизацию центростремительных и центробежных эффектов социально-экономического развития и продумирование приоритетов и ограничений развития отдельных территорий – это предмет заботы экспертов и официальных инстанций. Заменить эту заботу «стратегиями» и «образом будущего» нельзя [Вызовы и политика..., 2020. С. 360].

О.В. Кузнецова отметила ряд недостаточно проработанных вопросов, связанных с макрорегионами. Автор сомневается, «насколько важно сокращение территориальных диспропорций именно в разрезе макрорегионов, каков реальный смысл выделения макрорегионов и разработки стратегий их социально-экономического развития». Ее также волнует проблема «допустимости роста межрегиональных различий при условии обеспечения высоких темпов роста в проблемных регионах» [Кузнецова, 2019. С. 107].

В новой версии документа целью пространственного развития Российской Федерации по-прежнему декларируется «формирование системы расселения и территориальной организации РФ, которые будут способствовать достижению национальных целей развития РФ и обеспечению национальной безопасности» (Стратегия...2024. С. 6). Фактически эта формулировка в более сжатом виде

³ Territorial Agenda of the European Union. 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. 2011. 11 с. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf (accessed: 05.02.2025).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Эл. ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JJAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

повторяет цели прошлой Стратегии, при этом число задач в новом варианте с прежних 14 увеличено до 55 пунктов.

Здесь отметим, что для стратегических документов современной России проблема обеспечения преемственности задач и целей стоит довольно остро. Вспомним хотя бы «Майские указы» 2012 г., в которых В.В. Путин поручал правительству добиться увеличения производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза⁵. В указе 2018 г. предусматривалось достичь к 2024 г. повышения уже на треть⁶, а в новых документах того же типа производительность даже не упоминается.

Известны и случаи прямого игнорирования директив. Тогда же, в 2018 г., число бедных в России Росстат оценивал в 20,8 млн чел. (14,2%), и Президент в очередном «майском» указе 2018 г. поставил задачу сократить их количество к 2024 г. на 10 млн чел. Между тем в третьем квартале 2023 г. численность населения с доходами ниже границы бедности составила 19,6 млн чел., или 13,5% жителей страны⁷. На фоне общего роста заработной платы продолжается расслоение общества по уровню жизни: доходы наименее обеспеченных 10% населения выросли всего на 4,5%, тогда как у 10% богатых – на 5,9%. При этом средний доход в беднейшей группе составил 9,6 тыс. руб., а в самой богатой – 145,2 тыс. руб.⁸

«Богатая» и «бедная» России различаются не только уровнем материальной обеспеченности – у них появляются разные системы ценностей, интересов, непохожие мотивации, образ жизни [Бикеева, Моисеева, 2019; Римашевская, Мигранова, 2016], их разделяет пропасть [Тихонова, 2021].

При сравнении текстов первой и второй Стратегий любопытно отметить, что в новой версии названия некоторых разделов полностью совпадают, например: «Анализ тенденций и проблем пространственного развития РФ» (С. 5), «Концентрация экономического роста на ограниченном числе территорий» (С. 5) и др. (разве что в последнем случае «территорий» заменены на «города»). А раздел «Усиление влияния научно-технического прогресса...» (С. 11) полностью скопирован. Говорит ли это о преемственности? За 10 лет санкций, развития технологий, смены геополитических приоритетов составители ничего нового

⁵ О ходе выполнения указов Президента России от 7 мая 2012 года № 596–606. Правительство РФ [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/406/?tags=488> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2018 «204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [Эл. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 01.11.2024).

⁷ Росстат представил данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в I квартале 2023 года [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/208845> (дата обращения: 01.11.2024).

⁸ *Выжutowич В.* Неравенство в доходах // Российская газета. 2024. 5 октября. № 242.

не обнаружили в плане влияния НТП на пространственное развитие, достойного быть включенным в Стратегию. Возникает вопрос, то ли действительно такое влияние незначительно, то ли раздел формальный, существует «для галочки», и его реальное содержание не так уж важно?

В старом документе отмечалась необходимость «Стабилизации численности населения...», в новом уже речь идет об «Ухудшении демографической обстановки...» (С. 9), что свидетельствует о нерешенности демографической проблемы в рамках реализации первой Стратегии.

Новый текст Стратегии, как и прежний, страдает «размытыми» формулировками. К трудным для восприятия можно отнести, например, следующие фрагменты: «К принципам пространственного развития РФ относятся:

- дифференцированный подход к развитию различных территорий... (С. 24);
- предоставление в приоритетном порядке мер поддержки в отношении мероприятий, соответствующих приоритетным направлениям...» (С. 25).

И вершина канцелярского стиля: «направления пространственного развития РФ определяют конкретные задачи, направленные ... на реализацию возможностей пространственного развития при учете принципов пространственного развития РФ» (С. 26).

При весьма скромном объеме текста, уместившегося на 72 с., в документе нет ни одного картографического материала, без которого невозможно представить пространственное развитие самого большого в мире государства.

Проблемы сбалансированного распределения населения на Дальнем Востоке РФ: исторический опыт и современные вызовы

Одной из ключевых проблем современной России остается неравномерное распределение населения, сопровождающееся оттоком трудовых ресурсов из восточных регионов, таких как Дальний Восток и Сибирь. Эта тенденция не только усугубляет демографический дисбаланс, но и создает угрозы для экономического развития восточных территорий и национальной безопасности страны.

Было бы целесообразно предложить новые механизмы сбалансированного распределения населения в российском пространстве, и в первую очередь, сокращения оттока трудовых ресурсов с Дальнего Востока. Человеческий капитал высоко мобилен, переезжая, человек перевозит с собой все свои знания, опыт, способности на новую территорию, поэтому регионы-доноры в целом проигрывают от миграционных процессов [Иванова, 2024; Лада, 2018].

К сожалению, следует признать низкую эффективность предлагаемых правительством мер по сохранению трудового потенциала на востоке России, таких как материнский капитал, дальневосточная ипотека, транспортная субсидия, «дальневосточный гектар» и др. Более того, эти меры вместо решения поставленных задач начинают разгонять инфляцию. Данные официальной статистики

и аналитических обзоров подтверждают, что в городах Дальневосточного федерального округа наблюдается устойчивый рост стоимости жилья⁹.

Напомним, что первым опытом успешного привлечения трудовых ресурсов в Сибирь и на Дальний Восток были столыпинские реформы, когда государство не просто обеспечивало переселенцев всем необходимым инвентарем и землей, но и брало на себя обязанность выкупать излишки произведенной продукции. Вот формула той власти: «Пашите земли сколько вспашете. Скотины держите – сколько сможете. Леса рубите сколько нужно. Нам по сердцу богатый мужик. А власти гарантируют закупку хлеба, мяса, рыбы, пушнины в любых количествах. О сбыте не думайте, рядом Китай, Корея. Богатейте, меньше пьянствуйте, больше работайте и Богу молитесь» [Столыпин, 2011]. Жаль, что этот опыт не учитывается лидерами российского государства.

В советское время задачи освоения просторов Сибири и Дальнего Востока эффективно решались в русле планово-административной экономики, с активным использованием комсомольского энтузиазма и патриотизма. В результате за короткий период дали промышленную продукцию уральские заводы, Кузбасс, авиационные заводы в Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Комсомольске-на-Амуре, в Арсеньеве, рудники Норильска и Магадана. Более миллиона молодых людей строило БАМ и не меньше приехало в нефтяные города Западной Сибири [Тулохонов, 2018]. За 70 лет в разные периоды использовались разные методы освоения. БАМ – это комсомольский энтузиазм, а рудники Норильска и Магадана – труд заключенных. Авиазаводы – военный период. Урало-кузбасский комплекс начинался в годы первых пятилеток. Но чем дальше, тем больше был упор на экономические стимулы.

Однако с распадом плановой экономики большинство этих механизмов утратили свою актуальность, и очень многие энтузиасты «комсомольских строек» вернулись на родные земли. В наши дни осваивать восточные территории страны возможно только за счет материальных стимулов.

Как показала недавняя кампания по призыву добровольцев на СВО, в стране достаточно финансовых ресурсов для привлечения людских ресурсов на реализацию стратегических государственных приоритетов. К числу последних давно уже относят «Восточный вектор» социально-экономического развития России, а западные санкции только усилили его.

Вместе с тем в последние два-три года в миграционных потоках России появились важные изменения. В страну устремились беженцы из «горячих» точек Новороссии. Большое количество этнических россиян готовы вернуться на историческую родину из стран ближнего и дальнего зарубежья.

⁹ Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 21.03.2025 № 172/пр «О средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на II квартал 2025 года» [Эл. ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502281/ (дата обращения: 01.04.2025).

И по мере роста русофобии их число неизбежно будет расти. На наш взгляд, направление хотя бы части этих потоков на Дальний Восток могло бы несколько улучшить его демографическую ситуацию.

Однако для удержания населения и привлечения мигрантов на восточных территориях необходимо не просто увеличивать для них оплату труда, а создавать более комфортные условия, нежели в центральной России, например, за счет предоставления бесплатного и социального арендного жилья, льготной оплаты услуг ЖКХ, низкой стоимости бензина; повышать для них качество жизни путем модернизации и строительства объектов транспортной, социальной и иной инфраструктуры.

Пока Дальний Восток по многим параметрам уровня жизни проигрывает другим регионам страны. Так, согласно данным Росстата о средневзвешенной месячной заработной плате в регионах РФ, в первом полугодии 2024 г. житель Центрального федерального округа получал 105,2 тыс. руб., дальневосточник – 93,7 тыс. руб., а москвич – 153,4 тыс. руб. На этом фоне безнадежно унылыми выглядят цифры по Северному Кавказу (47,3 тыс. руб.) и Южному федеральному округу (59,0 тыс. руб.), не радуют и заработки сибиряков (73,9 тыс.руб.), которые меньше, чем на Урале (88,2 тыс. руб.) и даже в Северо-Западном округе (89,8 тыс. руб.)¹⁰.

Такие факты полностью дезавуируют уверения в том, что обсуждаемый проект Стратегии сможет «формировать эффективную систему расселения и территориальной организации России, способствующую достижению национальных целей и национальной безопасности страны» (С. 1).

Большое недоумение вызывают перечень «геостратегических территорий» и критерии включения в него тех или иных регионов (прил. № 2). Восточные и южные приграничные территории, по-видимому, были отобраны по географическому принципу. Однако по неизвестным причинам в список не вошли регионы, граничащие с Украиной и Казахстаном, а также с Прибалтикой, Финляндией и Норвегией. «Выпали» из него обе столицы, нефтяные регионы Сибири, Красноярский край, Иркутская область и другие «доноры» российского бюджета, стратегически, как представляется, гораздо более важные, чем, например, Карелия или Еврейская автономная область.

Отсутствие конкретики и научного обоснования некоторых разделов

Стратегия пространственного развития Российской Федерации, призванная обеспечить сбалансированный рост регионов и сокращение диспропорций, вызывает вопросы относительно своей обоснованности и реализуемости. С точки зрения авторов, целевые показатели пространственного развития РФ

¹⁰ Рынок труда, занятость и заработная плата [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/_2k-2024.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

мало связаны с текстом главного документа. Более того, в новом варианте Стратегии, в отличие от первого, нет указания на этапы, сценарии и механизмы ее реализации. Например, полностью отсутствуют критерии оценки демографической ситуации и ее перспектив. Скромный раздел «Основные инструменты реализации Стратегии» сводится, по существу, к плану мероприятий.

По нашему мнению, необходимо более конкретно сформулировать и откорректировать ответы на замечания на следующие пункты Стратегии (по тексту).

1. Количество субъектов РФ с темпами роста ВРП выше среднегодового темпа роста с 2023 г. до 2030 г. возрастет на 3 субъекта. При этом каких именно регионов касается этот прогноз можно только догадываться.

2. На с. 9 «прогнозируется продолжение снижения численности женщин репродуктивного возраста до 2046 г. и снижение численности населения к 2030 г. на 3,6 млн чел., а в целевых показателях (С. 66) утверждается «количество субъектов РФ, по которым общий коэффициент рождаемости выше значения 2023 г., в 2030 г. будет 18 субъектов (и опять – ни одного названия), в 2036 г. – 77 субъектов, или абсолютное большинство».

3. Создание условий для роста численности населения и рождаемости только в Дальневосточном ФО к 2030 г. для 4 субъектов (каких именно?), а к 2036 г. всех 11 субъектов, или 100%, причем по этому показателю Дальний Восток должен обогнать СФО. Как? За счет каких мер? Неизвестно.

4. Еще более фантастичным выглядит показатель «создание условий для сокращения и прекращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири, Дальнего Востока и Арктики», который будет достигнут к 2030 г. (через 6 лет) 100%. То же самое.

Даже эти предварительные замечания свидетельствуют о низком качестве содержания обсуждаемого документа и необходимости его переработки. Кроме того, на их основании можно с большой уверенностью утверждать, что в создании Стратегии не принимали участия представители научного сообщества. На наш взгляд, предложение Председателя профильного Комитета Совета Федерации по федеративному устройству и региональной политике А.А. Шевченко о создании при Российской академии наук научно-исследовательской организации, главной задачей которой будут исследования в области пространственного развития страны и ее сопровождению в условиях динамики мировых геополитических процессов и глобального изменения климата, представляется вполне справедливым.

Стратегия пространственного развития страны, по мнению авторов, должна быть, прежде всего, ориентирована на повышение экономической самостоятельности субъектов Федерации, создание хозяина на территории. К сожалению, в Конституции РФ отсутствует определение региональной собственности. В Концепции Стратегии пространственного развития признавалось, что в России существует монополия госсобственности на все природные ресурсы, а также «чрезмерная унификация российского законодательства в сфере

пространственного развития, лишая местные власти и бизнес стимулов к творческому, инновационному поиску оптимальных и точно подобранных именно для местных условий норм и правил»¹¹.

В настоящее время вся структура управления, бюджетная, налоговая политика в России «заточены» на центр. Та же Концепция признавала, что при существующем «беспрецедентном центростремительном векторе ... резкого увеличения экономической роли Москвы... произошло значительное сжатие ранее освоенного пространства ...и со всей остротой встал вопрос о судьбе беспрецедентно разросшейся периферии России»¹². Лозунгами и полумерами такую проблему не решить. Стратегия пространственного развития могла бы предусмотреть механизмы разрешения этих противоречий.

Не можем не согласиться с коллегами [Дружинин, Кузнецова, 2024], которые, рассматривая векторы обновления Стратегии пространственного развития, акцентируют внимание на необходимости обеспечения единства пространства страны за счет широкомасштабного развития межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий, а также повышения скоординированности по горизонтали и вертикали планирования стратегических документов; обеспечения сквозного стратегирования территорий при реализации общих проектов; комплементарности стратегий экономического и инфраструктурного развития.

Выводы

За прошедшие со времени разработки первого варианта Стратегии годы не были решены многие проблемы как в сфере стратегического планирования [Кузнецова, Дружинин, 2024], так и в гармонизации пространственного развития страны: диспропорции нарастают, появляются новые вызовы и угрозы, требующие немедленного реагирования. Таким образом, сохраняются предпосылки для ухудшения социально-экономической ситуации и дальнейшего «опустынивания» российской периферии.

При этом необходимо признать, что сбалансированное развитие страны и регионов невозможно без государственного планирования, которое в советские годы осуществлялось Госпланом в тесной связке с экономической наукой в лице Совета по развитию производительных сил (СОПС).

В их отсутствие стратегическое планирование и реализация этих планов оставляют желать много лучшего. Ни одна из реформ последнего времени, ориентированных на повышение уровня жизни и закрепления населения российской периферии, так и не достигла поставленных целей. Опыт ликвидации национальных округов середины 2010-х гг. показывает, что любое административное

¹¹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: https://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf С. 10. (дата обращения: 01.04.2025).

¹² Там же. С. 57.

укрупнение субъектов Федерации есть прежде всего разрушение региональной сельской периферии и «сжатие» экономического пространства. Представляется, что в основе решения этой сложной проблемы лежит основополагающий принцип самостоятельности субъекта и индивида, стабильность механизмов управления, справедливость в распределении национального богатства.

По этому поводу еще раз процитируем великого российского государственного деятеля П.А. Столыпина: «Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для нас всех, русских» [Столыпин, 2011. С. 8].

И в завершение, уместно напомнить напутствие академика А.Г. Гранберга: «Пространство – есть ценнейший ресурс государства для наших дней и для будущих поколений» [Гранберг, 2011]. Нам досталась в наследство страна со второй экономикой мира, которую уважали наши друзья и боялись враги. Как-то незаметно она прошла период, когда было бесплатное для граждан жилье, образование, здравоохранение, где дружба народов была не пустым лозунгом, и сохранялась надежда на лучшее завтра [Тулохонов, 2014]. Может быть в этом и есть стратегия успешного развития Российского государства?

Литература/ References

- Аганбегян А.Г. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 4. С. 8–29. DOI: 10.18288/1994–5124–2017–4–01
- Aganbegyan, A. G. (2017). What comprehensive plan does Russia need until 2025? *Economic Policy*. Vol. 12, No. 4. Pp. 8–29. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2017–4–01
- Бикеева М.В., Моисеева И.В. Измерение экономического неравенства: проблемы, факты и оценка // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16, № 6. С. 48–56. DOI: 10.21686/2500–3925–2019–6–48–56
- Bikeeva, M.V., Moiseeva, I.V. (2019). Measuring economic inequality: problems, facts and assessment. *Statistics and Economics*. Vol. 16, No. 6. Pp. 48–56. (In Russ.). DOI: 10.21686/2500–3925–2019–6–48–56
- Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В.М. Котляков. М., 2020. 365 с.
- Kotlyakov, V.M. (Ed.) (2020). *Challenges and policy of spatial development of Russia in the 21st century*. Moscow. 365 p. (In Russ.).
- Гранберг А.Г. Возможны ли распад или сжатие России // Экономика и социология. 2011. № 2. С. 9–18.
- Granberg, A.G. (2011). Are the disintegration or contraction of Russia possible. *Economics and Sociology*. No. 2. Pp. 9–18. (In Russ.).
- Гришина И.В., Польнев А.О., Шкуронат А.В. и др. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока. М., 2018. 280 с. ISBN978–5–9547–0175–3

О новой Стратегии пространственного развития России
или уроки пройденного

- Grishina, I.V., Polynev, A.O., Shkuropat A.V., et al. (2018). *Strategy of spatial development of Russia: methodological approaches to the development of the economic block*. Moscow. 280 p. ISBN978-5-9547-0175-3. (In Russ.).
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России: векторы обновления // Географический вестник. 2024. № 1(68). С. 15–26. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26
- Druzhinin, A.G., Kuznetsova, O.V. (2024). Strategy of spatial development of Russia: vectors of renewal. *Geographical Bulletin*. No. 1(68). Pp. 15–26. (In Russ.). DOI: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26
- Иванова С.Н. Пространственные аспекты развития занятости населения территорий Северной Азии // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 381–404. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-709
- Ivanova, S. N. (2024). Spatial aspects of employment development in the territories of North Asia. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. Vol. 16, No. 1. Pp. 381–404. (In Russ.). DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-1-709
- Кузнецов С.В., Горин Е.А., Гринчель Б.М. Пространственное развитие регионов России: формирование новых подходов в условиях глобальных вызовов. Санкт-Петербург, 2024. 238 с. ISBN978-5-7310-6482-8. DOI: 10.52897/978-5-7310-6482-8-2024
- Kuznetsov, S.V., Gorin, E.A., Grinchel, B.M. (2024). *Spatial Development of Russian Regions: Formation of New Approaches in the Context of Global Challenges*. St. Petersburg. 238 p. (In Russ.). DOI: 10.52897/978-5-7310-6482-8-2024. ISBN978-5-7310-6482-8
- Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 107–125. DOI 10.14530/se.2019.4.107-125
- Kuznetsova, O.V. (2019). Strategy of spatial development of the Russian Federation: the illusion of solutions and the reality of problems. *Spatial Economics*. Vol. 15, No. 4. Pp. 107–125. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
- Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4(205). С. 36–45. DOI 10.47711/0868-6351-205-36-45
- Kuznetsova, O.V., Druzhinin, A.G. (2024). Towards a New Strategy for Spatial Development of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. No. 4(205). Pp. 36–45. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45
- Лада А.С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4(85). С. 21–31. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31
- Lada, A.S. (2018). Problems of attracting labor resources in the subjects of the Far East. *Power and management in the East of Russia*. No. 4 (85). Pp. 21–31. (In Russ.). DOI: 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31
- Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015

- Minakir, P.A. (2016). National Strategy for Spatial Development: Honest Misconceptions or Intentional Simplifications? *Spatial Economics*. No. 3. Pp.7–15. (In Russ.). DOI 10.14530/se.2016.3.007–015
- Минакир П.А. Стратегии для России и в России // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17, № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2021.1.007–017
- Minakir, P. A. (2021). *Strategies for Russia and in Russia*. *Spatial Economy*. Vol. 17, No. 1. Pp. 7–17. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2021.1.007–017
- Римашевская Н.М., Мигранова Л.А. Социально-экономическое неравенство в России // *Народонаселение*. 2016. № 3(73). С. 17–33.
- Rimashevskaya, N.M., Migranova, L.A. (2016). Socio-economic inequality in Russia. *Population*. No. 3(73). Pp. 17–33. (In Russ.).
- Столыпин П.А. *Нам нужна Великая Россия*: Полн. собр. речей П.А. Столыпина в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 464 с.
- Stolypin, P.A. (2011). *We need a Great Russia*: Complete collection of speeches of P.A. Stolypin in the State Duma and State Council. 1906–1911. Moscow: Book Club Knigovok. 464 p. (In Russ.).
- Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад. М., 2021. 36 с. DOI 10.17323/978–5–7598–2630–9.
- Tikhonova, N.E. (2021). *Subjective stratification of Russian society: state, dynamics, key problems*: analytical report. Moscow. 36 p. (In Russ.). DOI: 10.17323/978–5–7598–2630–9
- Тулохонов А.К. Как сохранить географическое пространство Азиатской России // *ЭКО*. 2018. № 10. С. 7–25. DOI:10.30680/ECO0131–7652–2018–10–7–25
- Tulokhonov, A.K. (2018). *How to preserve the geographical space of Asian Russia*. *ECO*. No. 10. Pp.7–25. (In Russ.). DOI:10.30680/ECO0131–7652–2018–10–7–25
- Тулохонов А.К. Политическая география Северной Азии в условиях глобализации. Улан-Удэ: ЭКОС, 2014. 256 с.
- Tulokhonov, A.K. (2014). *Political Geography of Northern Asia in the Context of Globalization*. Ulan-Ude: EKOS, 256 p. (In Russ.).
- Larsson, G. (2006). *Spatial planning systems in Western Europe: an overview*. Ios Press, 288 p.
- Lingua, V. (2018). Institutionalizing EU strategic spatial planning into domestic planning systems: trajectories of change in Italy and England. *Planning Perspectives*. Vol. 33, Iss. 4. Pp. 591–614. DOI: 10.1080/02665433.2018.1489733
- Reimer, M., Blotevogel, H.H. (2012). Comparing spatial planning practice in Europe: A plea for cultural sensitization. *Planning Practice and Research*. Т. 27, No. 1. Pp. 7–24.

Статья поступила 28.11.2024

Статья принята к публикации 14.02.2025

Для цитирования: Тулохонов А.К., Иванова С.Н. О новой Стратегии пространственного развития России, или уроки пройденного // *ЭКО*. 2025. № 3. С. 56–67. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–3–56–67

Информация об авторах

Тулухонов Арнольд Кириллович (Улан-Удэ) – академик РАН.

Байкальский институт природопользования СО РАН.

E-mail: aktulohonov@binm.ru; ORCID: 0000-0001-7589-7121

Иванова Сембрика Нимаевна (Улан-Удэ) – старший научный сотрудник.

Байкальский институт природопользования СО РАН.

E-mail: sambrika@binm.ru; ORCID: 0000-0002-5554-2144

Summary

A.K. Tulokhonov, S.N. Ivanova

On the new Strategy for Spatial Development of Russia or Lessons of the Past

Abstract. The authors critically review the content of the “Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast to 2036”. The paper cites specific examples of inaccurate data, declarative nature of the set tasks in the absence of mechanisms for their implementation and scientific substantiation of the draft Strategy. The facts of insufficient elaboration of the sections characterizing the main trends and opportunities of spatial development of the Russian Federation and its priorities, changes in interregional disparities, strengthening the impact of scientific and technological progress on the spatial development of the Russian Federation are provided. The authors conclude that it is necessary to adjust the document with the involvement of academic science and the creation of a specialized scientific structure in the Academy of Sciences to study and support the Strategy of Spatial Development of Russia.

Keywords: *spatial development strategy; socio-economic policy; regulatory framework*

For citation: Tulokhonov, A.K., Ivanova, S.N. (2025). On the new Strategy for Spatial Development of Russia or Lessons of the Past. *ECO*. No. 3. Pp. 56–67. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-56-67

Information about the author

Tulokhonov, Arnold Kirillovich (Ulan-Ude) – Academician of the RAS.

Baikal Institute of Environmental Management, SB RAS.

E-mail: aktulohonov@binm.ru; ORCID: 0000-0001-7589-7121

Ivanova, Sembrika Nimaevna (Ulan-Ude) – Senior Researcher.

Baikal Institute of Environmental Management, SB RAS,

E-mail: sambrika@binm.ru; ORCID: 0000-0002-5554-2144